

функционирует в праздники, до туристских сувениров). Сравнительное изучение этого процесса пока развито мало (ср. венгерско-словацкий журнал *Folklorismus Bulletin* и др.), однако и здесь ощущается значительная исследовательская перспектива.

Особенно следует выделить движение «протестсингеров» — создателей и исполнителей песен социального протеста, представляющих собой некую «новую устность» — синкретическое явление, объединившее поэта, композитора, музыканта и исполнителя, как это было в классическом фольклоре. Однако это далеко не фольклор в традиционном смысле этого слова, хотя песни поэтов-певцов в известной мере выполняют сходные функции.

Процесс урбанизации постиндустриального общества выразился помимо всего прочего в неслыханном развитии технических средств массовой информации — кино, теле- и радиосистем, различного рода воспроизводящих устройств, охватывающих весь европейский континент густой сетью информационных связей, открытой и интерконтинентальным влияниям.

На фоне интенсивных культурных связей, характерных для нашего времени, это приводит к тому, что былая общность традиционной культуры европейских народов многократно перекрывается современной общностью и межнациональной циркуляцией современной профессиональной культуры (и «высокой» культуры, и так называемой «массовой»). В то же время отметим, что фольклорные и этнографические программы Интервидения (например, международный кинофестиваль «Радуга», обмен мультфильмами и т. п.) дают нам примеры современного общеевропейского фольклоризма в его вторичных и в меньшей мере в условно-первичных формах. Это заметно повышает взаимную осведомленность европейских народов о традиционных ценностях архаической народной культуры.

© 1990 г.

З. П. Соколова

НАРОДЫ СЕВЕРА СССР: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

На Крайнем Севере нашей страны и в Сибири живут весьма малочисленные народы. Их 26, самый крупный из них (ненцы) насчитывает 34,5 тыс. чел., а самый маленький (ороки) — 190 чел.¹

Все они коренные жители территории, которую населяют; каждый обладает своей древней оригинальной культурой, своим языком. В 1925 г. специальным постановлением ВЦИК и СНК все эти народы были выделены в группу так называемых «малых народов Севера» на основе нескольких признаков: 1) малая численность; 2) уникальный характер традиционных занятий — оленеводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел; 3) особенности образа жизни и быта, связанные с традиционным хозяйством (кочевание или полупоседлый образ жизни для многих из них); 4) низкий уровень социально-экономического развития².

Советское государство, основываясь на принципах ленинской национальной политики, провозгласившей равенство всех народов в нашей стране, поставило задачу помочь им достичь фактического равенства.

В связи с этим уместно вспомнить те социально-правовые, социально-экономические и социально-культурные мероприятия, которые в 1920—1930-х и в последующие годы позволили в какой-то степени выравнивать социально-

экономическое развитие народов Севера по сравнению с другими народами нашей страны.

В социально-правовом аспекте национальной политики по отношению к народам Севера большое значение имел ряд акций, проведенных на основе Декларации прав народов России и Конституций 1918 и 1924 гг., таких как принятие специального «Временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», организация родовых, туземных, затем кочевых и национальных советов на основе местных традиций участия в них коренного населения, создание и деятельность Комитета Севера, организация северных автономий (национальных округов и районов).

Социально-экономический аспект национальной политики на Севере ярко выражен в материальной и финансовой помощи народам Севера в виде кредитов, нередко безвозмездных; поставок продовольствия; освобождении от налогов; организации хлебозапасных магазинов, государственной и кооперативной торговли; интегральной кооперации, занимавшейся заготовками, сбытом промысловой продукции, снабжением населения, организацией промыслов; ветеринарной помощи в оленеводстве; проведении земельно-водного устройства; снабжении инвентарем; обновлении охотничьей фауны; жилищном, социально-бытовом строительстве и др.

Специальными постановлениями Советского правительства и ЦК КПСС (особенно № 300 1957 г. и № 115 1980 г.)³ народам Севера обеспечивались различные льготы в их социально-экономическом и культурном развитии (денежные ссуды на жилищное строительство с погашением значительной их части за счет государства, бесплатное приданое новорожденным, медикаменты, содержание в детских дошкольных учреждениях, интернатах, а также льготы при поступлении в вузы и др.). Многие были осуществлены. Значительно повысился материальный уровень жизни народов Севера, для них были построены новые и реконструированы старые поселки, коренным образом изменилось их медицинское обслуживание, и как следствие этого стала расти их численность (с 1959 по 1970 г. она выросла на 16,6%)⁴.

Немало было сделано в социально-культурной области. В 1931—1932 гг. для 13 самых больших по численности народов (ненцев, эвенков, хантов, манси, эвенов, коряков, чукчей, эскимосов, нанайцев, удэгейцев, нивхов, кетов, селькупов) была разработана письменность; на языках этих народов стала развиваться национальная литература, формироваться национальная интеллигенция. Обучение шло как в поселковых школах с интернатами, так и в передвижных, кочевых школах. Большую просветительскую и культурную работу вели красные чумы и яранги (передвижные культпросветотряды). Было создано 20 культурно-просветительских баз — постоянных селений со школами-интернатами, клубами, больницами, мастерскими, ветеринарными пунктами, магазинами, банями и т. п.

Организованный в 1930 г. в Ленинграде Институт народов Севера подготовил немало учителей, советских, хозяйственных и партийных работников, ученых из среды народов Севера; некоторые из его выпускников стали известными поэтами и писателями (однако уже в 1941 г. этот институт был закрыт и на его базе создан факультет народов Севера Педагогического института им. А. И. Герцена).

Весь этот круг мероприятий позволил сохранить малочисленные народы Севера (а некоторые из них — 6 из 26 — насчитывают менее 1000 человек), дать им возможность развивать свое хозяйство и культуру, получать образование, медицинскую помощь, вырастить свою интеллигенцию, плеяду талантливых поэтов и писателей.

Однако уже в середине 1930-х гг. началось отступление от этой линии. Комитет Севера и национальные районы были ликвидированы, национальные округа постепенно стали терять автономные права; с конца 1950-х гг. национальные Советы утратили свою специфику и были реорганизованы в сельские.

В настоящее время права автономии северных округов весьма ограничены,

особенно во взаимоотношениях с союзными и республиканскими министерствами и ведомствами, в вопросах природо- и землепользования, охраны окружающей среды и развития национальных культур.

Сплошное промышленное освоение Севера привело к усилению миграционных потоков, демографической перегрузке, резкому увеличению здесь численности некоренного населения, среди которого коренные народы стали растворяться. Так, в автономных округах, по данным переписи 1979 г., они составляли в Корякском а. о. всего 24,6%, в Эвенкийском — 21,6%, в Таймырском — 17,3%, в Ненецком — 12,8%, в Ямало-Ненецком — 16,2%, в Чукотском — 10%, в Ханты-Мансийском — 3,2%. По предварительным данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. это соотношение изменилось: лишь в Корякском а. о. удельный вес коренного населения вырос на 0,5%, в Чукотском, Ненецком и Таймырском уменьшился на 0,2; 0,8; 1,6%; в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком — в 2—2,5 раза⁵. Это привело к тому, что даже в традиционно национальных поселках народы Севера не составляют большинства и слабо представлены в местных Советах. Например, в Угутском сельсовете — всего 26% (в самом поселке 17%), и из 25 депутатов местных Советов в 1989 г. только 5 чел. (20%) были ханты; в исполкоме сельсовета из семи депутатов — один хант (14%); в семи комиссиях (51 чел.) только шесть — ханты (11%); 60% депутатов — нефтяники, хотя пос. Угут считается в Ханты-Мансийском а. о. национальным хантыйским и территорию сельсовета осваивают ханты (в райсовете из восьми депутатов от Угутского сельсовета только один хант)⁶.

В связи с этим сейчас права коренного населения в автономных округах весьма ограничены. А 19 из 26 народов Севера вообще не имеют никакой автономии. Между тем роль северной автономии весьма значительна. В северных автономных округах выше процент коренных жителей (в областях и краях Севера составляя 0,2—0,4%), выше процент использования коренными жителями в быту родного языка, сравнительно ниже процент городского населения, а следовательно, больше сельского населения, занимающегося традиционными отраслями хозяйства и сохраняющего национальную культуру⁷.

Немало было негативного и в социально-экономической политике государства по отношению к народам Севера. Так, в ряде районов Севера неоправданно высоки были темпы коллективизации; наиболее простые формы коллективных хозяйств — простейшие производственные объединения (ППО), или товарищества по совместному выпасу оленей, где олени, скот, лодки не обобществлялись, — не успев как следует развиваться и окрепнуть, были преобразованы (уже в 1930-х гг.) в колхозы (сельскохозяйственные и рыболовецкие артели). При этом шла широкая борьба против единоличных хозяйств, реквизиция оленей; к кулакам была причислена часть середняков. Совершенно не были использованы формы семейного хозяйствования, столь характерного для традиционного хозяйства народов Севера.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1980 г. оказалось менее эффективным, чем постановление 1957 г. Одной из причин этого было неправомерное изменение адреса его действия: объектом постановления были не народы Севера, а территория их проживания. На реализацию всего этого постановления предусматривалось около 77 млрд. руб., на каждого представителя народов Севера должно было быть истрачено свыше 480 тыс. руб. К 1990 г. уже было израсходовано 31,2 млрд. руб.⁸ (т. е. по 169 125 руб. на каждого представителя народов Севера!).

Между тем значительная часть средств осела в городах и райцентрах, где коренного населения очень немного.

Обострение ряда проблем социально-экономического развития народов Севера в последние два десятилетия обуславливалось рядом причин. Одной из них было ускоренное промышленное освоение Севера, которое со временем перестало быть очаговым и все более расширяется. Об этом сейчас много пишут ученые, писатели, журналисты и практические работники⁹. Вопросы эко-

логии Севера в связи с промышленным освоением (нефть и газ в Западной Сибири, судьба Нижней Тунгуски в связи с проектом Туруханской ГЭС и развитием лесной промышленности, оскудение рыбных запасов Амура, тревожное будущее Ямала, Таймыра и Чукотки в свете предстоящей промышленной добычи газа и других полезных ископаемых) стоят в том же ряду, что и проблемы чистоты Байкала, сохранения Арала, экологии Волги, Каспийского моря и др., т. е. это не региональная и даже не всесоюзная проблема — она универсальна и актуальна сейчас для всего мира.

Можно перечислить целый ряд негативных последствий промышленного освоения территории Крайнего Севера с точки зрения развития народов Севера.

1. Отторжение и уничтожение ягельников, охотничьих и рыболовных угодий, кедровников, ягодников. По всему Северу площадь только оленьих пастбищ сократилась на 22 млн. га, на которых могло бы выпасаться 100 тыс. оленей (в том числе в Западной Сибири — от 6 до 11 млн. га), а также 17 млн. охотничьих угодий. В одном только Ханты-Мансийском а. о. погублено 28 нерестовых рек (еще два десятка рек находятся в плохом состоянии), 17,7 тыс. га. нерестилищ и нагульных участков, отчуждено свыше 500 тыс. га. лесов и пастбищ. С 1965 г. площадь рыбопромысловых водоемов сократилась в 25 раз, их число — в 5 раз. В Ямало-Ненецком а. о. из рыбного оборота выведены 28 рек, десятки озер¹⁰. Вода в буровые скважины ради экономии средств (!) закачивается из естественных водоемов — рек, озер, болот, из-за этого они мелеют. Например, в с. Угут по сравнению с 1965 г. вода от берега в р. Большой Юган ушла на несколько сот метров, в озере пос. Новоаганск — на 500 м.

2. Загрязнение угодий: в Ханты-Мансийском а. о. ежегодно 50% газа сжигается в факелах, с 1965 г. загрязнено около 200 тыс. га рыбопромысловых угодий; слито около 100 тыс. тонн нефти и нефтепродуктов, в год происходит около 100 аварий; 12 крупных загрязнений при сливе 20—25 тыс. тонн нефти. Даже в устье Иртыша, где расположен Елизаровский птичий заповедник, птенцы выводятся из яиц, черных на просвет (от нефти в реке). На восстановление земель и вод, погубленных за последние три десятилетия нефтяного бума, требуется 43 млрд. руб.

3. Пожары стали настоящим бедствием сибирской тайги: в августе 1988 г. в одном только Нижневартовском районе Ханты-Мансийского а. о. было 300 очагов пожара, в июле 1989 г. — 337, а всего здесь в 1989 г. было обнаружено с начала лета до конца июля 2900 больших и малых пожара, уничтоживших 260 тыс. га леса. В Хабаровском крае в этот же период было 904 пожара, в которых сгорел лес на 100 тыс. га¹¹.

4. Резкое увеличение числа приезжих, в том числе нередко случайных людей с весьма сомнительным прошлым, «временщиков», хищнически относящихся к природе и к коренному населению (разрушение охотничьих избушек, кража из них имущества, вымогательство рыбы, пушнины, спаивание населения и пр.).

5. Развитие браконьерства среди приезжих, что в свою очередь ведет к другим негативным последствиям для коренного населения, например к запрету личных рыболовства и охоты.

6. Уменьшение внимания со стороны советских и партийных органов к развитию традиционных хозяйств и культуры народов Севера в связи с промышленным освоением Севера.

7. Перекачка материальных затрат и ресурсов в промышленность за счет социального развития национальных районов и поселков, т. е. усиление социальной несправедливости.

8. Растворение коренного населения в составе всего населения округа, области, края, утрата его национальной целостности.

9. Рост социальной незащищенности представителей народов Севера, что ведет к социальной пассивности населения.

10. Развитие межнациональной напряженности и конфликтов на основе отмеченных недостатков.

К сожалению, все положительные стороны промышленного освоения Севера касаются лишь части национальной интеллигенции, живущей в городах.

На заре ускоренного промышленного освоения Сибири, в середине 1960-х годов, экономистами и этнографами была сформулирована задача: Промышленное освоение Севера должно сочетаться с дальнейшим развитием отраслей промыслового и сельского хозяйства данной зоны. Устойчивые связи между промышленными центрами и прилегающими к ним таежными и тундровыми районами приведут к подъему национальной экономики и будут способствовать культурному развитию народов Севера в период построения коммунистического общества¹².

Сегодня можно констатировать, что ничего из этого не вышло. Яркие и горькие примеры — та же Западная Сибирь и другие регионы. Одна из важнейших причин — масштабы и темпы промышленного освоения Сибири таковы, что промышленные предприятия и организации не справляются с собственными задачами и не имеют возможности рационально сочетать промышленное освоение территории с развитием традиционных отраслей хозяйства.

О том, что экологический баланс в ряде северных регионов нарушен, много пишет как центральная, так и местная пресса. Приведу часть опубликованных материалов из окружных газет Западной Сибири «Красный Север» и «Ленинская правда» за 1988—1990 гг.

Началась «Операция Обь»: журналисты ямало-ненецкой окружной газеты «Красный Север» создают Общественный комитет по спасению Оби. Река отравлена: на 1987 г. концентрация вредных веществ в ней превышала допустимые нормы в 25—30 раз, а нефтепродуктов в районе Омска, Нижневартовска, Сургута — в 92 раза, в районе Салехарда — в 29 раз¹³. Как правило, очистные сооружения (в том числе и в системе канализации, животноводческих ферм, промышленных предприятий) не строятся из-за экономии и спешки (!), все стекает в реки (например, в г. Радужный на р. Аган). По р. Аган ханты потеряли почти все свои промысловые угодья. Вылов рыбы сократился в 3 раза. На богатейшем рыбном нерестовом и нагульном озере Имнлор площадью 60 км² рядом с поселком хантов устанавливаются буровые вышки. На р. Малый Юган на территории Угутского сельсовета, где расположены Юганский заповедник (их всего два на огромной территории округа площадью свыше 500 млн. км²) и прекрасные соболиные угодья (до 1,5 тыс. соболиных шкурок сдают охотники Угутского промохототделения), идет разведка нефти и газа. Буровые вышки стоят рядом с домами хантов в селениях Кинямины, Мултановы; поселки Лейковы, Бисаркины исчезли после прихода геологов. Несколько раз меняла место жительства хантыйская охотница У. Г. Тоголмазова. Ее родной поселок Хуллор на р. Казым был ликвидирован как неперспективный, зато рядом вырос поселок Верхний Казым, обслуживающий компрессорную станцию. Его жители — временщики и потому позволяют себе грабить охотничьи избушки, воровать собак, запасы собранных ягод. У Н. Цинганина украли из амбара добытых соболей, в другом месте соболей выменяли за пару бутылок водки, в третьем на глазах у хозяина застрелили домашнего оленя и т. п.

В верховьях Пима вместо моста для переправы речку просто завалили бревнами и засыпали землей! Часто речки перегораживают трубами. Осенью десанты высаживаются с вертолетов и опустошают ягодники, нередко ягоду рвут еще зеленой и с корнями.

Коренное население терпит ущерб и от лесной промышленности. Вынуждены были сменить место жительства Т. И. Кечимов по Агану — откочевать к северу; семьи оленеводов из пос. Русскинских, с Тромъегана — на Казым, в Нумто. В Няксимвольском сельсовете, по свидетельству его председателя, работниками лесхоза и промохототделения изгнан со своих угодий и места жительства У. Анемгуров, застрелены собаки Е. К. Бурмантова (чтобы уйти от ответа за содеянное, против него возбужден заведомо ложный иск в 353 руб., якобы за поправу дичи собаками!), ограблен И. Монин (400 руб., обувь, шкурки

зверей похищены). На угодьях, где живет с семьей И. Монин, где он пасет оленей, со всех сторон вырубил лес, рядом проложили дорогу, олени от шума разбегаются. Такая же участь постигла Самбиндаловых, Куриковых, Тасмановых. И никакой компенсации, ни одного уголовного дела! Зато возбуждаются уголовные дела против местных жителей, которые, не имея возможности купить лицензию, вынуждены для еды отстреливать лося.

Лесная промышленность в Ханты-Мансийском а. о. в последние 20 лет во много раз увеличила масштабы и темпы вырубки леса, нередко это делается хищнически, без соблюдения необходимой технологии. Завышение норм площадей территории сплошной рубки леса (1×2 км) ведет к эрозии почвы, смыву гумусного слоя, изменению температурного, светового, ветрового, водного режима лесосеки. Не освоены безотходные производства, часть леса (сучья, щепа) в лучшем случае сжигается, а чаще (и невывезенная древесина) гниет, забивает реки, в том числе и нерестовые. Не освоены сбор и переработка естественно падающего леса, подмываемого водой по берегам рек¹⁴.

Коллегия Госкомприроды СССР, рассмотрев состояние охраны природы на промыслах Западной Сибири, признала, что природе нанесен «непоправимый урон». Рекультивационные работы, строительство очистных сооружений, создание ресурсосберегающих технологий добывающих министерств основаны на остаточном принципе финансирования. Коллегия обязала министерства разработать и представить на экспертизу Территориальную комплексную схему охраны природы Западной Сибири¹⁵. Даже п-ов Ямал, где еще не развернулось промышленное освоение месторождений, а лишь велась их разведка, уже непригоден для традиционного природопользования¹⁶.

Экологическая обстановка резко ухудшилась и в других районах Сибири и Севера. В Ульчском районе Хабаровского края погублено большое живописное, богатое рыбой озеро Кизи: леспромхоз оставил на нерестовом озере 16 тыс. кубометров леса, замороженных в лед, и очистку этого озера обещают закончить лишь в 1990 г. В ряде районов края в 1987 г. зафиксированы массовые вырубки леса в водоохранных зонах. На грани катастрофы находится и Амур. Амурский целлюлозный комбинат ежегодно сбрасывает в Амур более 50 млн. кубометров загрязненных сточных вод. Один из водозаборов этого комплекса губит молодое промысловых рыб, ежегодно нанося ущерб до 100 тыс. руб. Солнечный горнообогатительный комбинат сбросил в 1987 г. в притоки Амура 6 т меди, 27 т цинка, около десяти тонн мышьяка. В этих реках концентрация цинка и меди превышала нормы соответственно в 198 и 511 раз. В районе Комсомольска-на-Амуре Амур имеет 13 предельно допустимых концентраций фенолов, 5 — нефтепродуктов и 40 — меди¹⁷.

К сожалению, число примеров слишком велико и эти экологические проблемы до сих пор не могут быть оптимально и быстро решены, несмотря на принятый «Закон об охране природы» и созданный Комитет СССР по охране природы. Лишь в результате развертывания специальной кампании в защиту того или иного объекта природы в прессе, в научных кругах, среди общественности удается приковать к ним внимание соответствующих правительственных органов и добиться принятия необходимых решений (по Байкалу, Аралу). Мешает также и то, что местные Советы пока не способны бороться с промышленными предприятиями, загрязняющими природную среду, так как Министерства и ведомства ведут себя на территории краев, областей и округов как государства в государстве. Например, в Западной Сибири, в Ханты-Мансийском а. о., в результате экстенсивного развития нефтегазовой промышленности в Нижневартовском и Сургутском районах почти полностью нарушен экологический баланс; отторжение и загрязнение промысловых угодий приобрело такие масштабы, что была подорвана традиционная отрасль хозяйства хантов — оленеводство, а в недалеком будущем та же участь ожидает охоту и рыболовство. Это прямой результат тех методов и темпов, какими ведутся разведка нефтяных и газовых месторождений на данной территории. При этом нет никакой

уверенности, что в ближайшем будущем произойдут какие-либо изменения. Кроме того, в Сургуте, Нижневартовске, Новом Уренгое запланировано создание огромных нефтехимических комплексов, что не может не сказаться на окружающей среде. Те же методы хозяйствования, основанные на стереотипе «постоянства и неистощимости» наших ресурсов, особенно применительно к Сибири, характерны для лесной и энергетической промышленности.

Если добыча газа и нефти на Ямале, Таймыре, Чукотке, в Эвенкии и в других регионах Сибири будет проходить такими же методами и темпами, нарушится экологический баланс и на этих территориях, будет ликвидирована хозяйственная основа существования, вся система жизнеобеспечения ненцев, эвенков, нганасан и других народов Севера.

Именно промышленное освоение Севера и экологический дисбаланс в значительной мере привели к тому, что стало сокращаться традиционное хозяйство народов Севера, в котором они теперь заняты менее чем на 50%. Это в свою очередь ведет к снижению уровня жизни коренных народов, утрате привычных продуктов питания (мяса, рыбы), нехватке сырья для одежды (оленьих шкур, пушнины), а также к исчезновению национальной культуры, тесно связанной с традиционным хозяйством.

Численность домашних оленей на Севере с 1930-х гг. к настоящему времени уменьшилась с 2,2 млн. до 1,8 млн. голов (на 18,2%). Отторжение и загрязнение оленьих пастбищ происходит особенно интенсивно в Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском а. о., где развивается нефтегазовая промышленность. Подсчитано, что потеря 6 млн. га оленьих пастбищ в Ямало-Ненецком а. о. дала 60 млн. руб. убытка¹⁸. Сокращается и число оленей. Например, в Ханты-Мансийском а. о. в 1930 г. было 71,1 тыс. голов оленей, в 1953 г. — 87 тыс., в 1960 г. — 64,7 тыс., в 1978 г. — 54,4 тыс., в 1980 г. — 55 тыс., в 1982 г. — 52,5 тыс. голов (меньше, чем в 1960 г. на 19%), в 1986 г. — 53 тыс. голов, в 1989 г. — 50 тыс. голов. В результате полностью исчезло оленеводство в южной части Сургутского района, на большей части Нижневартовского района, в других местах оно значительно сократилось. Например, в пос. Корлики в начале 1960-х гг. было более 1000 голов общественных и до 200 голов личных оленей. Сейчас их всего чуть более 100. В поселке Колекьеган было около 500 оленей, в 1987 г. забили последних двух. В Магаданской обл. в начале 1970-х гг. было около 1 млн. оленей, сейчас — чуть более 600 тыс.¹⁹ Уменьшился удельный вес мясной пищи, население лишилось оленьих шкур, из которых можно было сшить себе промысловую и дорожную одежду и обувь. Это снижает материальный уровень жизни населения и лишает корней национальную культуру.

Еще меньше, чем в оленеводстве, коренное население занято теперь в охоте и рыболовстве. Например, в Ямало-Ненецком а. о. уменьшился вылов рыбы за последние 20 лет на 5 тыс. тонн. В Ханты-Мансийском а. о. на р. Вах улов рыбы сократился за 40 лет вдвое. Рыба пахнет нефтью в ряде районов по Оби, на Агане, Пиме. Ежегодно рыбные промыслы Обского Севера давали продукции более чем на 150 млн. руб. Однако из-за накопления ядовитых веществ в воде и земле они могут прекратить свое существование к началу XXI в. В Амуре рыбы вылавливается в 20 раз меньше, чем в начале 1960-х годов. Причины этого также в большой мере заключаются в отторжении и загрязнении угодий. Многочисленные гидростанции на сибирских реках (Оби, Енисее, Ангаре) резко уменьшили или свели на нет ценные породы рыб, обитавших в пойменных озерах, затопили огромные территории поймы и лесов.

Охотничий промысел влачит жалкое существование, добыча дикой пушнины в значительной степени уступает место клеточному разведению пушных зверей и ежегодно составляет лишь пятую часть всей пушнины. Например, в бассейне рек Большой и Малый Юган, уникальном в Западной Сибири по запасам соболя, в 1960-х гг. его добывали до 3 тыс. шкурок, теперь — наполовину меньше, а ондатры, которой здесь тоже много, из 1,5—2 тыс. добытых шкурок сдано 15. Много пушнины уходит на сторону — браконьерам и спекулянтам.

Ущерб от потери охотничьих угодий уже составил 12 млн. руб.; к XXI в., если отношение к окружающей среде не изменится, он составит свыше 30 млн. руб.²⁰

Морской зверобойный промысел — традиционное занятие прибрежных чукчей, коряков, эскимосов, нивхов — из-за того, что зверь был выбит промышленным способом, пришлось фактически прекратить. Чаще всего население периодически получает туши морских зверей (например, кита) на мясо и жир, а в промысле участвуют теперь лишь немногие.

В то же время существующая перерабатывающая промышленность развита лишь на базе рыболовства, в остальных традиционных отраслях народы Севера участвуют только как добытчики сырья, что неизбежно ведет к низкой рентабельности хозяйства и низкому уровню зарплаты.

А между тем только традиционное хозяйство и связанные с ним уклад и образ жизни способствуют развитию всеми своими корнями связанной с ними национальной культуры народов Севера; лишь благодаря традиционному хозяйству они имеют привычные продукты питания. Таким образом, сохранение среды обитания и промыслового хозяйства — непереносимое условие выживания народов Севера.

В последние два-три десятилетия эти условия выживания значительно ухудшились, что отразилось на численности народов Севера и продолжительности их жизни. Так, если с 1959 по 1970 г. прирост населения у народов Севера составил 16,6%, то в следующее десятилетие, к 1979 г. он был равен всего 3,3% (при этом восемь народов уменьшились в численности)²¹. Середина 1960-х и 1970-е гг. были самыми тяжелыми в жизни народов Севера. Например, в Нижневартовском районе численность хантов уменьшилась с 1940 к 1957 г. с 2023 до 1800 чел., с 1957 к 1978 г. — до 1203 чел., а к 1984 г. — до 939 чел. По данным Похозяйственных книг Охтеурского сельсовета этого района (1988 г.), в трех поселках живут 218 хантов, из них мужчин старше 50 лет всего 5 (2%), женщин — 10%, из них старше 60 лет — один (0,5%). Если сравнить эти данные с нашими полевыми материалами 1957 г., то окажется, что тогда мужчин старше 50 лет было от 9 до 13%, старше 60 лет — от 3,5 до 6,7%. Таким образом, сейчас число мужчин старше 50 лет в 5—6 раз меньше, чем 30 лет назад, и в 5 раз меньше, чем женщин того же возраста сейчас. Это прямое следствие высокой смертности на почве алкоголизма²².

Сейчас положение несколько изменилось. Судя по предварительным данным Всесоюзной переписи населения СССР 1989 г., с 1979 г. численность народов Севера на территории РСФСР увеличилась на 16,6%, в целом по стране — на 24,6%. Однако это не должно нас успокаивать. Во-первых, некоторые народы численно уменьшились (энцы примерно на 30%, ороки и орочи — на 7,7%, тофалары — на 4,2%, кеты — на 0,8%), крайне слаб прирост у саамов (0,1%) и селькупов (1,3%), менее чем на 10% увеличилось число хантов, чукчей, нивхов²³. Во-вторых, если сравнить наши данные прироста народов Севера с аналогичными материалами по аборигенному населению США и Канады (в том числе и северному), то можно увидеть, что там темпы прироста гораздо выше, чем у нас в целом по стране. Например, у наших народов за 30 лет (1959—1989 гг.) он составил чуть более 33%, тогда как прирост эскимосов США (Аляска) за 46 лет (1931—1977 гг.) был равен 133%, канадских эскимосов — 300%, число индейцев США за 30 лет (1950—1980 гг.) выросло почти в 4 раза, канадских индейцев (1951—1981 гг.) — более чем в 2 раза. Естественный прирост у них был в 2 раза выше, чем у некоренного населения²⁴. У нас к 1970 г. он был со знаком минус, к 1979 г. немного превышал средний по стране, сейчас смертность снизилась на 7%, рождаемость возросла на 37%. С 1979 по 1989 г. в целом по народам Севера, живущим в РСФСР, он увеличился с 9,8 до 16,8% в автономных округах, в 1,5 раза в Ханты-Мансийском, в 2 раза в Ямало-Ненецком, Чукотском, Ненецком, Корякском и в 3 раза в Эвенкийском.

Таким образом, от решения проблем экологии и промышленного освоения Севера зависит развитие традиционного хозяйства народов Севера, их культу-

ры, само существование этих народов. Пока, судя по опыту Западной Сибири, можно считать несовместимыми промышленное освоение и развитие традиционного хозяйства народов Севера.

Большой урон хозяйству народов Севера, их расселению, образу жизни нанесла волюнтаристская политика реорганизации хозяйств (преобразование колхозов в совхозы), их укрупнения, массового сселения коренного населения в укрупненные, зачастую заново созданные поселки (в том числе и вопреки воле и желаниям самих жителей). В значительной мере это было обусловлено общей установкой в стране на укрупнение хозяйств и населенных пунктов (вплоть до ликвидации мелких, так называемых «неперспективных» деревень), объективно положительным желанием как можно быстрее и без больших затрат улучшить быт коренного населения путем жилищного и культурно-бытового строительства, электрификации и радиофикации поселков, облегчить управление хозяйствами, а кроме того, неправильным подходом к решению проблем кочевания и перевода народов Севера на оседлый образ жизни.

В литературе, в том числе и научной, а особенно в местной прессе, нет определения кочевого быта. Чаще всего принято относить к кочевникам всех, кто ведет промысловое хозяйство — оленеводство, охоту, рыболовство. Но это неверно.

Кочевым следует считать то население, которое все время передвигается (за стадами оленей, овец, коз и т. п.) и не имеет ни постоянных селений, ни постоянных жилищ. Кочевники живут на временных стоянках (стойбищах) в передвижных, или переносных, жилищах (чум, яранга, балок, юрта). На севере в эту категорию попадают только оленеводы тундры. Они вынуждены кочевать вслед за стадами оленей (на одном месте живут не более 3 суток, так как иначе олени вытопчут все пастбище). Их стойбища хотя и имеют нередко постоянную привязку к одному месту, тем не менее могут перемещаться. Свое жилище (чум, ярангу) они каждый раз ставят заново, лишь балок возят с собой на нартах.

В отличие от оленеводов охотники и рыболовы ведут не кочевой, а полуоседлый образ жизни. Он достаточно подвижен: охотник зимой, опромысливая свои угодья, уходит в тайгу, где живет в охотничьей избушке (у некоторых в разных местах по нескольку таких избушек). Но, как правило, семья охотника большую часть времени живет в одном поселении или доме. Рыбаки за год иногда сменяли четыре места жительства: зимнее (постоянное), весеннее, летнее и осеннее. Это было особенно характерно для рыболовов Оби и ее притоков — хантов, манси, селькупов. Из этих селений одно (обычно зимнее) было постоянным, другие — сезонными. Перемещение в сезонные селения обуславливалось ходом рыбы в разных реках в разное время года. Поэтому подобная подвижность образа жизни жителей Севера была обусловлена не столько привычкой, сколько потребностями хозяйства.

Чаще всего население тайги и бассейнов рек вело комплексное хозяйство: охота (обычно зимой) и рыболовство (с весны по осень). Некоторые держали еще и оленей. Это так называемое таежное оленеводство (приизбенное) — маршруты кочевий были не очень протяженными, иногда (особенно летом) оленей выпасали в изгородях, у дымокуров, или держали в специальных оленьих избах. Такие семьи вели подвижный, полуоседлый образ жизни, имея в числе прочих и постоянные селения с капитальными зимними жилищами (срубный дом, полуземлянка). С весны по осень они жили на сезонных поселениях в разных жилищах: либо в срубных, либо в дощатых домах, либо в чумах, различной формы шалашах — корьевых жилищах, крытых корой березы, пихты (остов такого дома, составленный из жердей, не перевозился, а оставался на месте селения). Были и такие семьи, которые круглый год обитали в разных селениях, но с капитальными (срубными) постройками. И еще одна особенность расселения охотников, рыбаков и оленеводов — дисперсность (небольшие селения удалены друг от друга на большие расстояния); отдельные усадьбы

в самом селении расположены на значительном расстоянии друг от друга.

Уже в 1930-х гг. на Севере начался процесс перевода жителей на оседлость, для чего было построено немало новых поселков. Но в те времена семьи, переселившиеся на постоянное жительство в такие поселки в новые дома, еще не потеряли и своих сезонных селений.

В 1950-х гг. началась массовая кампания по оседанию, совпавшая с укрупнением колхозов. Особенно усилились эти процессы в 1960-х гг. в связи с реорганизацией многих колхозов в совхозы, госпромхозы, рыбоучастки рыбозаводов и укрупнением их центральных усадеб. Поселки тоже стали строиться большие, в расчете не менее чем на 500—1000 человек. Потом, как и по всей стране, появилось понятие «бесперспективные поселки» (или деревни).

Уже несколько десятилетий мы пытаемся перевести оленеводов на оседлость. На моей памяти, начиная с 1957 г., с постановления ЦК КПСС и СМ СССР № 300 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» примерно каждые 5 лет принимались постановления об окончательном переводе на оседлость оленеводов²⁵. Однако и до сих пор на Севере не менее 3,5 тыс. кочующих семей (около 15 тыс. чел.). Часть семей за это время действительно осела. Однако в основном это касалось охотников и рыбаков, которых, в отличие от оленеводов, нельзя безусловно отнести к кочевникам.

В результате, по данным официальной статистики, в 1986 г. кочевало 3 563 хозяйства (14 881 чел.)²⁶. Государством выделены на жилищное строительство и создание новых поселков миллионы рублей. Значительная часть выделенных кредитов была погашена за счет государства.

В связи с практикой оседания и сложилось странное положение, когда средства выделяются только на оседание, просто же на жилищное строительство для народов Севера — крайне редко и в небольших количествах, хотя многие постройки 1950-х гг., изначально возведенные с большими дефектами, уже в аварийном состоянии. Вследствие этого некоторые окружные органы статистики вынуждены идти на фальсификацию численности кочевого населения, чтобы округ мог получить средства на жилищное строительство.

На примере Ханты-Мансийского а. о. видно, как проходил перевод на оседлость хантов, манси, селькупов и ненцев. В 1939—1940-х гг. здесь было 1773 хозяйства, в 1940—1950-х гг. сселено 1159 хозяйств, кочевых осталось 614 (из них в Сургутском районе из 510 хозяйств 458 считались кочевыми, хотя район населен в основном охотниками и рыбаками). В процессе оседания число кочевых хозяйств изменялось следующим образом: в 1966 г. — 481, в 1966—1967 гг. — 328 (или по другим данным 383), в 1968 гг. — 274 (из них оленеводческих — 52), в 1969 г. — 327, в 1970 г. — 39 (олeneводческих), в 1986 г. — 272 хозяйства, в 1988 г. — 217 хозяйств²⁷. Видим, увеличение почти в 7 раз по отношению к 1970 г. Можно думать, что либо перешедшие на оседлость хозяйства снова стали кочевать, либо цифра 1986 г. искусственно завышена, чтобы получить под оседание деньги для жилищного строительства.

В результате такой деятельности из 650 населенных пунктов в округе осталось около 170, и то вместе с вновь построенными. По всей видимости, мы не располагаем точными данными о числе действительно кочевых семей оленеводов на Севере, чаще всего статистика говорит о семьях, не имеющих своих домов в поселках.

Перевод на оседлость оленеводов, охотников, рыбаков, реорганизация и укрупнение хозяйств, ликвидация мелких селений (как постоянного, так и сезонного значения) были одной из причин свертывания традиционных отраслей хозяйства народов Севера. Во-первых, новые селения были весьма удалены от многих промысловых угодий, с ликвидацией мелких селений они перестали опромышляться из-за дальности. Во-вторых, ряд совхозов и госпромхозы перестали развивать оленеводство, в меньшей мере занимались рыболовством. Часть рыбаков перешла в разряд так называемых рабочих. В-третьих, укрупнение поселков и переселение туда основной части населения вместе с интер-

натской системой воспитания учащихся привели к сокращению кадров традиционных отраслей хозяйства (оленоводов, охотников и рыболовов), к нарушению преемственности между поколениями в этой области.

Таким образом, даже в отношении охотников и рыболовов поголовный переход на оседлость не благоприятствовал развитию традиционного хозяйства. Сейчас уже стоит вопрос о восстановлении ряда селений, признанных «неперспективными».

Что касается оленеводства, то, по моему мнению, оно не может существовать без кочевания пастухов. Очевидно, настало время осознать это и избавиться от стереотипа: оседлость — хорошо, кочевание — плохо. Признавая специфику отгонного животноводства, следует признать и особенности северного оленеводства и обусловленную ими специфику образа жизни и быта пастухов. Признав необходимость кочевания оленеводов, мы сможем изменить и концептуальный подход к проблеме развития оленеводческой культуры народов Севера, выработать пути благоустройства их кочевой жизни. Пока есть три пути развития оленеводства: изгородный (он применяется не только на Кольском полуострове, но и в Эвенкии), бригадно-звеньевой (опыт его есть в Ненецком а. о.) и с использованием на маршрутах кочевания промежуточных баз для оленеводов (пример — Чукотка). Все эти способы имеют и достоинства, и недостатки. Ни один из них, видимо, не может быть универсальным. Вместе с тем этот интересный опыт еще слабо изучен и описан.

Сейчас еще нет единого подхода к решению этой проблемы. Необходимо дать ответ на вопросы: возможно ли оленеводство без кочевания и как его организовать, чтобы максимально облегчить труд и быт оленеводов?

Следствием негативных явлений в развитии социально-правовой и социально-экономической политики были и те разрушительные процессы в области национальной культуры народов Севера, которые привели к утрате родных языков, фольклора, обрядовой и праздничной культуры, а в целом к ассимилятивным процессам. Социально-культурная политика в отношении народов Севера, особенно за последние 25—30 лет, оказалась несостоятельной. Идеологическая установка на слияние наций и народов в единый советский народ и здесь выразилась в полном пренебрежении к национальной культуре, как материальной, так и духовной. Многие ее элементы были объявлены архаичными, не способными к развитию. В процессе культурной революции в 1920—1930-х гг. и позднее была объявлена беспощадная война религиозному мировоззрению и культу, всем обрядам. Многие шаманы, хранители обрядовой культуры, фольклора, народных знаний, были репрессированы, причем большей частью совершенно необоснованно, так как не жили за счет эксплуатации чужого труда. К 1940-м гг. прекратилась работа по созданию письменности для народов Севера, в последующие годы резко уменьшилось число изданий на родных языках народов Севера, сошло на нет и преподавание на этих языках, обучение детей родным языкам. В то же время современная культура приходила в национальные поселки народов Севера в крайне примитивных формах (старые здания клубов или, наоборот, пустующие дворцы, устаревшие кинофильмы, слабая база библиотек и пр.). Разрушению материальной народной культуры и привычного уклада жизни, ассимиляции способствовали также ликвидация «неперспективных» деревень, сселение людей в укрупненные поселки.

Все это привело к тому, что народы Севера катастрофически быстро стали утрачивать свою национальную культуру, которая перестала играть адаптивную роль в обществе. Коренное население оказалось социально не защищенным, стала проявляться ущербность в национальном самосознании, в психике людей, что явилось одной из причин массового распространения алкоголизма.

Дальнейшее развитие народов Севера требует целого комплекса продуман-

ных и научно обоснованных мероприятий как социально-правового, так и социально-экономического и социально-культурного направлений.

В аспекте социально-правовых мероприятий представляется, что в современных условиях совершенствования нашего государства как правового важно расширить права северных автономных округов, особенно в их взаимоотношениях с областными органами власти, союзными и республиканскими министерствами и ведомствами (например, предоставить им право распоряжаться землей, ее ресурсами, составлять и претворять в жизнь планы социально-экономического и культурного развития округов с отчислением в окружные и местные советы средств за землю, на которой идет промышленное строительство, право получать компенсации за изъятые или загрязненные угодья, право приостанавливать промышленное строительство в случае его экологической опасности и др.). Новые законы о земле и собственности дают такие возможности, но в еще большей степени их должны расширить разрабатываемые законы о статусе автономий и малочисленных народов.

Целесообразно также ввести институт национальной автономии в виде национальных районов, национальных сельских советов с разработкой их статуса для тех районов, где народы Севера особенно малочисленны и расселены дисперсно. Пока образован только один такой национальный район — Эвено-Бытантайский, в Якутской АССР. В Ханты-Мансийском а. о. уже много лет выделены «национальные поселки» (в 1987 г. в числе 161 населенного пункта в сельской местности таких было 71). Однако никаким особым статусом они не обладают. Это, как правило, традиционные селения хантов и манси или созданные в 1950-х гг. в ходе расселения обских угров из мелких сезонных деревень в укрупненные поселки, центры колхозов. В них проживает от 20 до более чем 3 тыс. человек; коренное население составляет здесь от 9 до 100%. По всей вероятности, критериев для выделения подобных национальных поселков с определенным статусом должно быть не менее трех: 1) традиционность расположения селения в данном месте; 2) присутствие в нем коренного населения; 3) традиционные занятия этого населения (охота, рыболовство, оленеводство, морской зверобойный промысел). Статус подобных национальных поселков (как и национальных районов) должен предусматривать приоритетные права народов Севера на природо- и землепользование, трудоустройство, представительство в Советах и др.

В последнее время в широкой прессе высказывались и другие предложения социально-правового характера: о создании в Верховном Совете РСФСР Совета национальностей (уже создан) с тем, чтобы в нем были представлены депутаты от всех народов федерации, об организации (или возрождении) при Совете Министров РСФСР Комитета Севера, создании общественной организации — Ассоциации народностей Севера и др. Эти предложения заслуживают специального рассмотрения. Избрание депутатами Верховного Совета СССР — высшего органа законодательной власти в стране — восьмью представителями народов Севера (ненцев А. И. Выучейского и С. Я. Пальчина из Ненецкого и Таймырского а. о., хантов Е. Д. Айпина и Р. П. Ругина из Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского а. о., эвенка М. И. Монго из Красноярского края, чукчи В. М. Етылена из Чукотского а. о., коряка В. В. Косыгина из Корякского а. о. и нанайки Е. А. Гаер из Хабаровского края) позволяет надеяться на то, что сами народы Севера теперь будут более активно заниматься вопросами развития традиционных отраслей хозяйства, национальной культуры и родных языков²⁸. В Верховный Совет РСФСР также избраны представители некоторых народов Севера — ненцы В. А. Выучейский и С. П. Яр, хант В. С. Сондыков, эвенок В. В. Увачан, чукчанка М. И. Эттырытына и др.²⁹

Необходимо, чтобы все народы Севера были достойно представлены и в Верховном Совете РСФСР, и в окружных, и в районных, и в местных Советах. Пока сделать это трудно: еще мало лидеров из среды коренного населения, не везде они могли пробиться в Советы из-за большого удельного веса приезжего населения.

Патерналистская государственная политика, применяемая к народам Севера, в значительной мере породила иждивенческий характер отношений между народами Севера и органами власти. Однако совершенно ясно, что пока сами народы Севера не будут активно участвовать в развитии самоуправления, хозяйствования, культуры, их положение вряд ли серьезно улучшится.

В этом аспекте особое значение имело проведение Первого съезда народов Севера и создание Ассоциации народов Севера³⁰, что намечено в Платформе КПСС по национальному вопросу. Региональные ассоциации народов Севера организованы в 1986—1990 гг. почти везде. Задача созданной на съезде Ассоциации — пробудить активность и самостоятельность и координировать работу региональных ассоциаций.

В области социально-экономических преобразований сейчас внесено много различных предложений (в частности, в тексте Концепции социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г.³¹, в проектах постановления Совета Министров РСФСР «О комплексной программе дальнейшего развития экономики и культуры малочисленных народов Севера на 1991—1995 годы и на период до 2005 года», в постановлении Совета Министров РСФСР «О дополнительных мерах по экономическому и социальному развитию народностей Севера в 1989—1990 годах и тринадцатой пятилетке» № 182 от 7.06.89)³². Однако если постановление № 182 и проект постановления о Комплексной программе по-прежнему, как и предшествующие документы, отличаются патерналистской направленностью, то к Концепции можно предъявить гораздо больше претензий.

Концепция, особенно в рекомендательной части, напоминает правительственное постановление, составленное на основе традиционных подходов и точек зрения вне связи с современной ситуацией в нашей стране, обусловленной, с одной стороны, кризисным состоянием развития экономики и культуры народов Севера, с другой — процессами перестройки, развития демократии и гласности. Концепция не учитывает современного плюрализма мнений о путях дальнейшего развития народов Севера, в том числе и проработанных в положениях различных учреждений и институтов, являвшихся головными организациями по определенным направлениям Концепции. В документе «сглажены углы» в критике негативных последствий развития народов Севера: отсталость экономики, упадок традиционных отраслей хозяйства, ошибки перевода населения на оседлость, оценка этнических процессов и развития культуры, вызванных целенаправленной ассимиляцией народов Севера в рамках интернационализма, вопросы физического выживания народов Севера (заболеваемость, алкоголизм, слабый прирост населения) и др. Нет целостного и четкого представления о состоянии народов Севера в настоящее время, проблемах и факторах их выживания в современном мире и с точки зрения экологической ситуации на Севере, и с точки зрения отсталости в их социально-экономическом и культурном развитии. Остается неясным и вопрос, на какой основе можно сохранить народы Севера, возможно ли и как сочетать развитие северных народов и промышленное освоение региона.

В Концепции традиционная культура искусственно противопоставляется национальной, вводится неясный термин «новая культура», содержатся неверные положения о том, что «сведение традиционного к архаическому явилось теоретической основой сохранения архаических... элементов труда в традиционных отраслях северного хозяйства...», «Традиционное... не вписывалось в развившийся на Севере народнохозяйственный комплекс»³³. Это — свидетельство полного непонимания специфики всего комплекса культуры народов Севера, роли национальной культуры в адаптации человека в окружающем его мире.

Вместо того, чтобы говорить о всемерном развитии традиционного хозяйства народов Севера как базы для их выживания, сохранения и развития их национальной культуры, в Концепции предлагается повысить «роль северного региона

в развитии производительных сил страны», участие народов Севера «в выполнении продовольственной программы страны»³⁴. Ряд рекомендаций можно истолковать как возврат к старой, не оправдавшей себя практике включения в нетрадиционные отрасли всего коренного населения.

Неудовлетворительно решается в Концепции проблема развития северного оленеводства, даже не ставится вопрос о том, возможно ли оленеводство без кочевания. Авторы Концепции скорее всего считают, что возможно, так как, по их мнению, «мини-поселки бригадного назначения на маршрутах выпаса оленей (зимний период) призваны обеспечить действительный перевод на оседлый образ жизни»³⁵.

Таким образом, пока еще нет научно разработанной концепции социального, экономического и культурного развития народов Севера на перспективу, которая способствовала бы выживанию и развитию не только их экономики, социальной сферы, но и национальной культуры.

Важнейшее значение для выживания и развития народов Севера имеет решение проблем природопользования и землепользования. В принятый в 1990 г. Верховным Советом СССР «Закон о земле» внесено следующее положение: «В местах проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов и этнических групп законодательством союзных и автономных республик может быть установлен особый режим указанных категорий земли»³⁶. Это дает возможность на местах выделять зоны приоритетного природо- и землепользования. Такая работа уже началась в автономных округах. Так, Тюменский облисполком утвердил предложения Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского а. о. о создании подобных зон: в Ямало-Ненецком а. о. под такие земли выделяется 64% территории, в Ханты-Мансийском — 33%³⁷. Здесь население сможет развивать традиционные отрасли хозяйства, а промышленные предприятия будут развиваться только на основе разрешения местных Советов. Это большое достижение. Однако сразу же встают две проблемы. Во-первых, путь от местных Советов до Верховного Совета республики для утверждения этих актов весьма длинен, во-вторых, в ряде даже национальных поселков вопросы в местном Совете и в возможных референдумах решает нередко не коренное, а приезжее население, преобладающее здесь численно. В том же Ханты-Мансийском а. о. зоны приоритетного природопользования были выделены по рекам Аган и Большой Юган еще в 1988 г. До утверждения общего положения о них Тюменским облисполкомом прошло от полутора до двух лет (и еще неизвестно, когда будет выработано республиканское законодательство по этому поводу). Кроме того, в постановлении Тюменского облисполкома не были поддержаны выдвинутые округами термины «традиционное природопользование», «жизнеобеспечение коренных жителей Севера». А это значит, что конфликт между развитием традиционных отраслей хозяйства и промышленным освоением будет сохраняться. Снять все эти противоречия и гарантировать права народов Севера на природо- и землепользование может подготавливаемый Закон о малочисленных народах.

Наконец, в социально-культурной области предстоит большая работа. Прежде всего она касается развития родных языков народов Севера. Необходимы общесоюзные, республиканские и местные комплексные и целевые программы по обеспечению развития и функционирования этих языков (разработка письменности для народов, еще не имеющих ее, создание системы непрерывного изучения родных языков на базе национальных групп, школ, классов, факультетов; развитие литературы, радиовещания и телевидения, издание книг, газет и журналов, разработка и издание учебно-методической литературы, словарей, справочников, подготовка кадров учителей и воспитателей, в том числе из представителей народов Севера). Огромная работа предстоит по улучшению качества образования народов Севера с учетом их хозяйственной деятельности, расселения и образа жизни — создание средних, неполных

средних и начальных, в том числе малокомплектных и передвижных (кочевых) школ с приближением трудового обучения к традиционным занятиям.

Такие же программы следует разработать для развития материальной и духовной культуры, а также искусства народов Севера — обычаев, обрядов, праздников, народных знаний, декоративно-прикладного, музыкального искусства, народной хореографии и пр. — через многообразные формы: стационарные и передвижные учреждения культуры, музеев, культурные и научно-методические центры, профессиональные объединения, самодеятельные коллективы и ансамбли, профессиональные и любительские театры, постоянные и передвижные выставки, фестивали, смотры, конкурсы, олимпиады, спортивные соревнования по национальным видам спорта и детским играм, народные промыслы и ремесла (сувенирные производства и кооперативы, индивидуальное художественное творчество) с предоставлением необходимого оборудования и помещений, организацией снабжения сырьем и материалами, реализацией продукции, подготовкой кадров, в том числе искусствоведов. Сейчас на Севере появилось немало народных музеев, созданных чаще всего на общественных началах энтузиастами, представителями и коренного, и приезжего населения. Интерес к ним огромен. На их базе можно объединить разные группы людей для собирания предметов народной культуры, ее изучения и сохранения.

Большая ответственность за развитие национальной культуры ложится на национальную интеллигенцию. Большую роль в этом могут сыграть как региональные, так и всероссийская Ассоциация народов Севера.

Сейчас еще есть время и возможности для того, чтобы предотвратить процесс деэтнизации народов Севера, утраты ими своих языков, культуры, самосознания. Но в ряде регионов эти процессы зашли уже слишком далеко, поэтому промедление может оказаться пагубным для некоторых народов Севера.

Примечания

¹ По данным переписи 1989 г., народы Севера составили 184 478 человек: ненцы — 34 665, эвенки — 30 233, ханты — 22 521, эвены — 17 199, чукчи — 15 183, нанайцы — 12 017, коряки — 9242, манси — 8459, долганы — 6929, нивхи — 4673, селькупы — 3612, ульчи — 3233, ительмены — 2480, удэгейцы — 2011, саамы — 1890, эскимосы — 1718, чуванцы — 1511, нганасаны — 1278, юкагиры — 1142, кеты — 1113, орочи — 915, тофалары — 731, алеуты — 702, негидальцы — 622, энцы — 209, ороки — 190. См. Основные показатели развития экономики и культуры малочисленных народов Севера (1980—1989 годы). М., 1990 (материалы для делегатов Съезда малочисленных народов Севера); Данные Госкомстата РСФСР для Отдела по экономическому и культурному развитию народностей Севера и Арктики Совета Министров РСФСР.

² Соколова З. П. Съезд народов Севера // Сов. этнография. 1990. № 5.

³ Постановление № 300 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» (16 марта 1957 г.) // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 4. С. 331 и др.; Постановление № 115 «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию района проживания народностей Севера» (7 февраля 1980 г.) // Правда. 1980. 26.02.

⁴ Этническое развитие народностей Севера в советский период. М., 1987. С. 101.

⁵ См. примеч. 1.

⁶ Соколова З. П. Полевые материалы 1989 г. // Архив Ин-та этнографии. Ф. Северной экспедиции.

⁷ Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 г. (концепция развития). М., 1988 (Ин-т этнографии. Ротапринт). Табл. 5. С. 16, 20, 29, 30.

⁸ Таксами Ч. М. О политическом и социально-экономическом положении малочисленных народов Севера и путях их дальнейшего развития. Доклад на Съезде малочисленных народов Севера 30.03.90, с. 9 // Материалы для делегатов съезда.

⁹ Шишов А. Без северного сияния // Сов. культура. 26.07.88; Шаров В. Мала ли земля для малых народов? // Лит. газ. 17.08.88; Санги В. Отчуждение // Сов. Россия. 11.09.88; На переломе // Сов. культура. 11.02.89; Таксами Ч. М. Люди у крошки земли // Правда. 2.03.89; Родом с Севера // Сов. Россия. 31.03.89; Сизый Ф. Драма без охоты / Комсомольская правда. 15.06.89; Шинкарев Л. Тундра // Известия. 15.06.89; Заговорил Север // Сов. Россия. 18.06.89.

¹⁰ Айпин Е. Не нефтью единой // Московские новости. № 2. 8.01.89; Ардеев Ф., Обухова О., Козлов В. Не дадим украсть речку // Сов. Россия. 7.08.88; Паршукова А. Операция Обь // Сов. Россия. 30.04.89.

- ¹¹ Переплеткин Ю., Покровский А. Когда полыхает тайга // Известия. 27.07.89; Кечеджи Т. А тайга по-прежнему горит // Ленинское знамя. 26.07.89.
- ¹² Из резолюции научного совещания по проблемам формирования населения и использования трудовых ресурсов в районах Севера. Магадан, 1965. С. 18.
- ¹³ Беда на великой реке // Ленинская правда. 4.02.89; К победе коммунизма. 18.02.89; Красный север. 03.90. № 13.
- ¹⁴ Ленинская правда. 7.01.89; 14.01.89; 4.02.89; 11.02.89; 2.03.89; 3.08.89; 8.08.89; 10.08.89; 30.01.90; 24.03.90; Красный север. 2.11.88; 10.12.88.
- ¹⁵ Ильина Т. Экономика минус экология // Сов. Россия. 18.08.89.
- ¹⁶ Там же; Окоэтто П. П., Вануйто А. В., Тусида М. Н. Окоэтто Н. Л. Что будет с Ямалом // Сов. Россия. 22.03.89; Иванчук Ю. Ямал: чем велик и чем мал // Сов. культура. 7.10.89.
- ¹⁷ Филлин А. Кальма просит защиты // Сов. культура. 27.10.88; его же. Кальма будет жить // Сов. культура. 18.11.89.
- ¹⁸ Ильина Т. Указ. раб.
- ¹⁹ Окружной государственный архив Ханты-Мансийского авт. округа (далее ОГАХМ). Ф. 6. Оп. 1. № 195. Св. 24. (Справка о состоянии оленеводства и звероводства по округу. 1961 г.). Л. 1; Оп. 12. № 84 (Материалы по развитию оленеводства. 1970 г.). Л. 1; Оп. 12. № 203 (Основные показатели развития Ханты-Мансийского а. о., 1930—1978 гг.) Л. 108; Основные показатели экономического и социального развития РСФСР, автономных республик, автономных областей и округов (1917—1986 гг.). М., 1987. С. 138.
- ²⁰ Ильина Т. Указ. раб.
- ²¹ Этнокультурное развитие... Табл. 1.
- ²² Соколова Э. П. Полевые материалы 1988—1989 гг. // Архив Ин-та этнографии. Ф. Северной экспедиции.
- ²³ См. примеч. 1.
- ²⁴ Коренное население Северной Америки в современном мире. М., 1990. С. 74—75, 76.
- ²⁵ Соколова Э. П. Постановления Партии и Правительства о развитии хозяйства и культуры народов Крайнего Севера (юридические акты 1935—1968 гг.) // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971; см. также примеч. 3.
- ²⁶ Экономика и культура районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера за 1940—1985 гг. М., 1986.
- ²⁷ ОГАХМ. Ф. 6. Оп. 1. № 170 (Перевод на оседлость национального населения). Л. 11—12. Любопытно, что в это время уже было ясно, что собственно кочевыми можно считать только хозяйства оленеводов: «Проверкой установлено, что фактически эти хозяйства имеют собственные дома, построенные по речкам, и ведут оседлый образ жизни» (из отчета о переводе на оседлость кочевого и полукочевого населения округа на 1.01.66—67 гг. // ОГАХМ. Ф. 6. Оп. 12. № 67. Л. 175. Но это вскоре было забыто.
- ²⁸ См. выступления делегатов I Съезда народных депутатов СССР М. И. Монго, Е. А. Гаер // Известия. 8.06.89; 10.06.89).
- ²⁹ Сов. Россия. 28.03.90.
- ³⁰ См. примеч. 2.
- ³¹ Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. Новосибирск, 1989.
- ³² Материалы для делегатов Съезда малочисленных народов Севера; материалы Отдела по экономическому и культурному развитию народностей Севера и Арктики Совета Министров РСФСР.
- ³³ Концепция социального и экономического развития... С. 28—29, 32—33, 37—38, 62—64.
- ³⁴ Там же. С. 40, 51.
- ³⁵ Там же. С. 43—59.
- ³⁶ Закон о земле // Известия. 6.03.90. Ст. 2.
- ³⁷ Защищая Тюменский Север // Известия. 4.03.90.